

Глава 2

Слова односельчан заставили Лю Цунсян покраснеть. Только теперь она решила выяснить, что же произошло. Услышав от зевак краткий пересказ событий, она снова замахнулась на сына, но Вань Дунъян остановил её резким окриком.

— Хватит притворяться! Если такая смелая, дай себе пару пощёчин! — его слова не были шуткой; он стоял и ждал, словно и впрямь надеялся, что она это сделает.

Разумеется, Лю Цунсян не собиралась бить себя. Она заискивающе заулыбалась, пытаясь его задобрить. Зрители, вдоволь насмотревшись на представление, начали понемногу заступаться, предлагая Вань Дунъяну всё забыть. А если ему не хватит рассады для пересадки, он всегда сможет взять её с поля семьи Сюй.

— А можно не рассадой, а работой? — вмешался Лю Цишуан. Его не тронули ни несправедливые обвинения, ни угроза материнской порки, но сейчас он по-настоящему испугался.

Его отец был таким скрягой, что и капли мочи на чужой земле не оставит. Семена для рассады приходилось покупать у властей, и стоили они очень дорого!

Каждый год они покупали ровно столько, сколько нужно, без всякого запаса. Если отдать несколько корзин рассады, то часть их поля останется незасеянной. Узнав об этом, отец задаст ему такую трёпку!

Он прятал дома длинный, в несколько чи, корень золотого бамбука, специально для него. Этот корень был очень гибким, и если ударить им со всей силы, он рассекал кожу до крови. Боль не утихала по полмесяца, а если раны были глубокими, оставались уродливые, неровные шрамы.

Видя, что Лю Цишуан не унимается и продолжает упрямяться, односельчане решили, что теперь-то терпение Вань Дунъяна точно лопнет, и он задаст ему хорошую взбучку.

Но, к всеобщему удивлению, Вань Дунъян, обычно вспыльчивый, как порох, сегодня молчал. Лишь лицо его оставалось чёрным, как дно котла, но руки он не распускал, очевидно, не собираясь наказывать парня.

Такое поведение заставило всех снова вспомнить слова тех женщин. Поразмыслив, они пришли к выводу, что, скорее всего, так оно и есть.

Все знали, что Вань Чанцин и Вань Дунъян с детства были не разлей вода. Если семья Сюй действительно породнится с Вань Чанцином, то Вань Дунъяну придётся проявить хоть какое-то уважение к его будущему фулану.

Осознав это, все снова принялись уговаривать его, прося всё забыть.

— Подумаешь, клочок рассады! Суй-гээр ещё мал, не понимает, что творит. Прости его, — убеждали они. В этот момент к толпе подошёл сгорбленный старик и, остановившись на соседней меже, крикнул Лю Цишуану: — Шуан-шуан, домой! Возвращайся!

— Это старик Лю пришёл.

Старик Лю, как его называли в деревне, был дедушкой Лю Цишуана. Он женился поздно, почти в тридцать, дочь родилась, когда ему было под пятьдесят, а внук — когда ему перевалило за шестьдесят. Сейчас внуку скоро пятнадцать, а ему уже под семьдесят.

В деревне шестидесятилетние считались долгожителями. В таком возрасте дедушке Лю любой, у кого была хоть капля совести, оказывал уважение.

Вань Дунъян не был исключением.

Услышав голос старика, он немного смягчился. Взглянув на братьев Ван и на Лю Цунсян с сыном, особенно на Лю Цишуана, он принял решение.

— Раз уж мы не можем разобраться, кто прав, кто виноват, то никому не уйти от ответственности, — сказал Вань Дунъян, глядя на испорченную рассаду и две ямы в грязи — большую и маленькую. Его взгляд, устремлённый на братьев Ван, стал ещё более свирепым. — Я не видел, как упал старший гээр семьи Ван, и у меня нет третьего глаза, чтобы всё прояснить. Поэтому за помятую им рассаду вы обе семьи заплатите. А что до меня, то моя невестка с вами рассчитается.

Кто толкнул старшего Ван-гэра — неизвестно, но то, что Вань Дунъян толкнул Лю Цишуан, — факт.

— С какой стати, братец Вань? — возмутился старший Ван-гээр. В этот момент подошёл его младший брат.

Увидев брата, старший скривился ещё сильнее, и из глаз его потекли слёзы.

— Братец Вань, как ты можешь быть таким несправедливым? Меня толкнули в воду, я, как и ты, промок и замёрз, я тоже пострадавший! Как ты можешь всех под одну гребёнку?! Ты так несправедливо гневаешься, хочешь, чтобы я не только вытерпел холод и грязь, но и получил нагоняй от родителей! Это так обидно!

Слова старшего Ван-гэра нашли отклик у зевак. Все закивали, заступаясь за братьев Ван. Никто не верил Лю Цишуану.

Семья Ван была в деревне чужаками, они переехали сюда всего десять дней назад. Но у них было двое красивых и вежливых гэров в самом подходящем возрасте, к тому же семья была зажиточной, так что односельчане охотно с ними общались.

В отличие от них, Лю Цишуан был из семьи с дурной репутацией, да и сам он был молчаливым и нелюдимым. Кто знает, что у него на уме? Хотя он и жил с ними в одной деревне, никто не верил в его невиновность.

Но Вань Дунъяну было всё равно, что думают братья Ван и остальные.

Словно одержимый, он, выбравшись из воды, куда его толкнул Лю Цишуан, совершенно переменился и стал донельзя груб с Ван-гэром.

Он закатил глаза и посмотрел на него, как на дурака.

— А мне какое дело до твоих родителей?

Старший Ван-гээр опешил, явно не ожидая такой реакции.

Он ведь говорил не о родителях, а о своей обиде! Но не успел он собраться с мыслями, как Вань Дунъян с полной уверенностью продолжил:

— Хватит болтать! Вы оба — и ты, и этот по фамилии Лю — заплатите за ущерб. Сколько рассады нам не хватит, столько мы возьмём с ваших полей. А если не согласитесь, то и своей рассады лишитесь.

Братья Ван, красивые и вежливые, всегда пользовались всеобщим расположением и никогда не сталкивались с таким отношением. Но Вань Дунъяну было на это наплевать, да и зеваки, казалось, привыкли к подобному.

Все в деревне знали, что Вань Дунъян, третий сын семьи Вань, — человек неуправляемый. Когда он не в духе, он ни с кем не считается.

Сказав всё, что хотел, Вань Дунъян больше не собирался разговаривать ни с братьями Ван, ни с Лю Цунсян и её сыном. Он повернулся, чтобы уйти.

Перед уходом он ещё раз взглянул на Лю и его мать и хотел что-то сказать, но увидел, что этот маленький дурачок смотрит на него своими разноразмерными глазами, и в них светится такая радость, что непонятно, чему он так радуется.

Лю Цишуан, конечно, радовался. Вань Дунъян только что назвал его «тот по фамилии Лю».

«По фамилии Лю... Он знает, что моя фамилия Лю», — на лице подростка, ещё не высохшем от слёз обиды, появилась улыбка.

С тех пор, как он себя помнил, все в деревне называли его Сюй-гээр, но это было лишь прозвище. Его настоящая фамилия была Лю, и в документах он был записан под этой фамилией.

Его звали Лю Цишуан, и имя это дал ему старый сюцай. А сюцай — это учёный человек! За все годы в их деревне только в семье помещика Вань был один сюцай.

Когда-то, когда мать Лю Цишуана рожала, в их дом зашёл попросить воды старый сюцай. Дедушка Лю, увидев на нём одежду учёного, попросил его дать имя ребёнку.

Лю Цишуан родился поздней осенью и был очень светложим, поэтому сюцай нарёк его Цишуан — «Побеждающий иней». В тот год имя от старого сюцая получила не только их семья.

В тот же день в семье Сун родилась девочка, и сюцай назвал её Сайюэ — «Соперничающая со снегом». Возможно, из-за этого они с детства дружили, и Сун Сайюэ была единственной подругой Лю Цишуана в этой деревне.

Вань Дунъян ушёл, и толпа зевак рассеялась. Вскоре мать и сын догнали ждавшего их на дороге дедушку Лю. Старик с беспокойством посмотрел на дочь и внука.

В их семье не было принято скрывать что-либо от старших, боясь их расстроить, поэтому они в двух словах рассказали ему обо всём, что произошло.

— Кхэ-кхэ, кхэ-кхэ-кхэ... Хорошо, что всё обошлось, — сказал дедушка Лю, выслушав их. Он кашлял и кивал, и на сердце у него наконец стало спокойнее.

В последнее время дедушка Лю чувствовал себя неважно. Днём он лишь изредка покашливал, но по ночам, особенно на рассвете, его душил такой сильный кашель, словно он вот-вот выплюнет все свои внутренности.

Когда они вошли во двор, Лю Цунсян сказала деду и внуку:

— Сегодняшнее дело можно считать законченным. Когда его отец вернётся, не проболтайте. А когда придёт время пересаживать рассаду, я тайком отнесу семье Вань корзину, и на этом всё.

— Угу, — ответил Лю Цишуан, но не поверил.

Мать всегда обещала золотые горы, но никогда не сдерживала своих обещаний, данных ему и

дедушке. Она всегда предавала их, и в итоге ему доставалось от отца.

Войдя во двор, дедушка Лю сразу же направился в уборную, и вскоре оттуда донёсся кашель.

Лю Цишуан, счищавший грязь с подошв у сточной канавы, услышал кашель деда и хотел было пойти посмотреть, принести ему воды, но его остановила мать.

— Ах ты, паршивец, теперь-то ты понял, что я тебе добра желаю? Если бы не Вань Чанцин, этот дьявол так просто нас бы не отпустил, — сказала Лю Цунсян и посмотрела в сторону бамбуковой рощи. Её взгляд был полон решимости, но, опустив глаза, она поникла. — Мать Чанцина — такая глупая и мелочная. Твоя бабушка умерла от болезни, а она винит в её смерти нас с твоим отцом и злится на всю нашу семью. Столько лет прошло, а она всё никак не успокоится. Но ничего, родственные узы всё-таки есть. Если мы будем понаглее, то, может, всё и получится.

Лю Цунсян продолжала что-то бормотать, а Лю Цишуан, рассеянно кивая, пошёл в сторону уборной.

Ему в этом году исполнялось пятнадцать, пора было подумать о женитьбе. Но у его семьи была дурная репутация, и в деревне на него никто не смотрел. А поскольку он был единственным ребёнком, ни он, ни его мать не хотели, чтобы он уходил в другую деревню.

В одном они с матерью были согласны: мужа ему нужно было искать в большой и уважаемой семье Вань. Только вот она нацелилась на Вань Чанцина, а он — на Вань Дунъяна.

<http://bllate.org/book/13415/1194061>